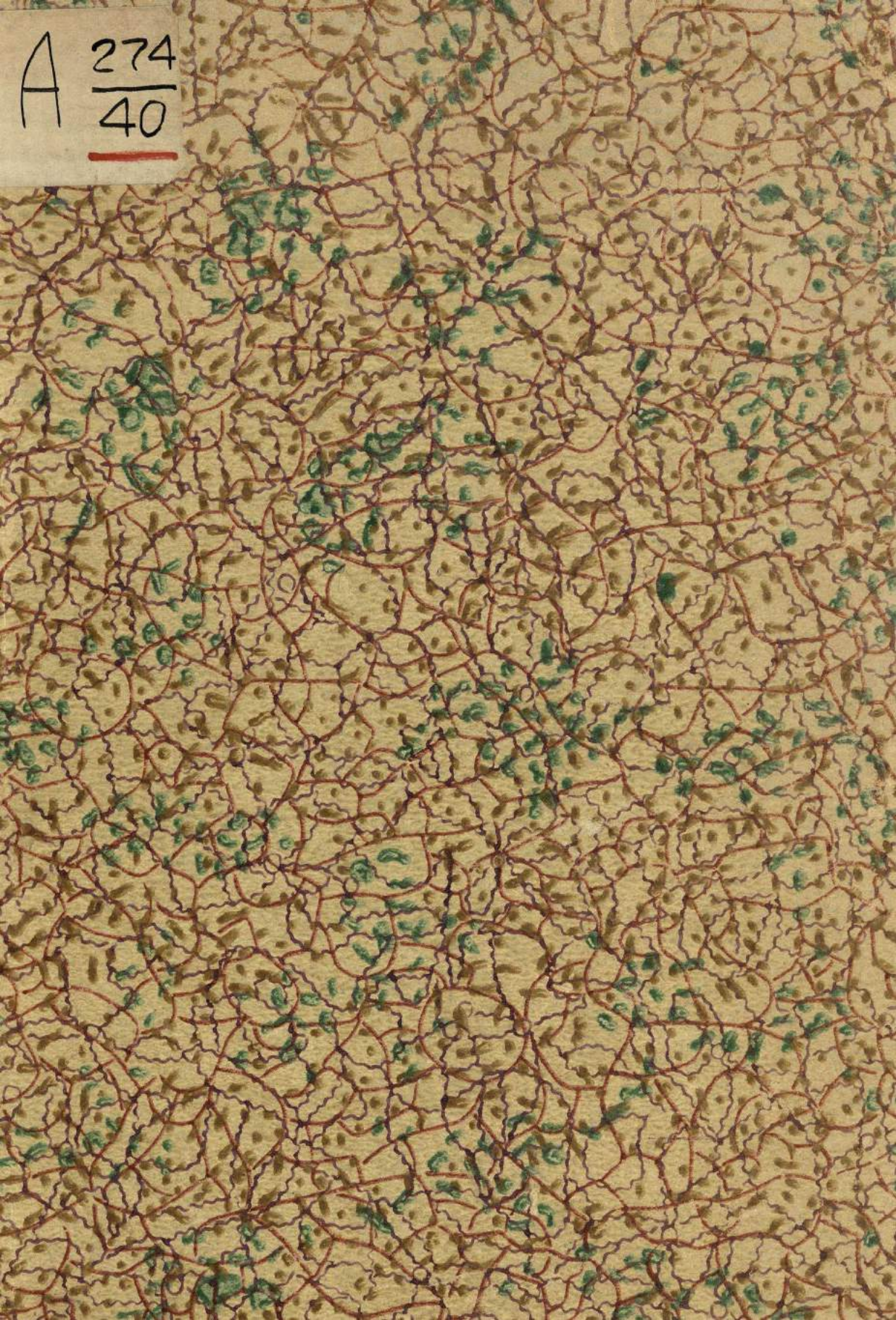
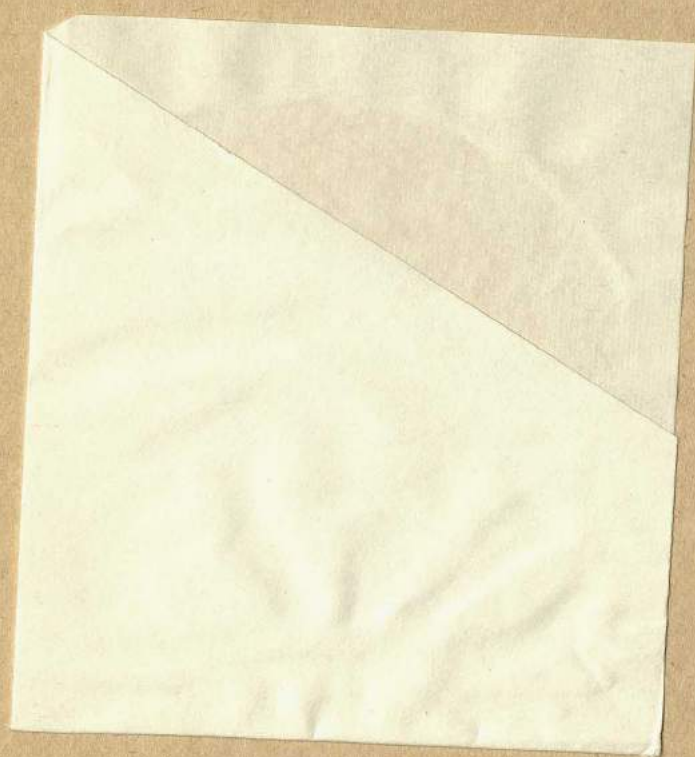

A $\frac{274}{40}$

217
40.
ДРУЗЬЯ

и

ЛЮБИМЦЫ

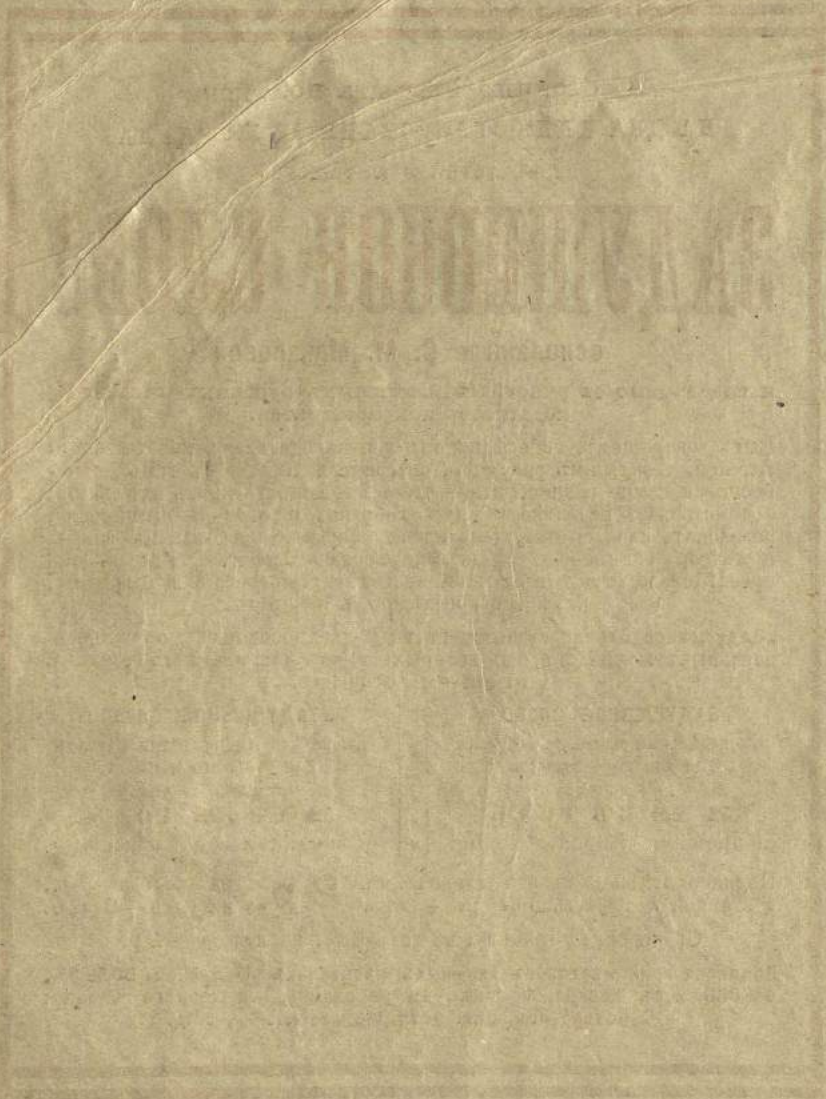
ЛЕГКІЕ РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ

А. Б. ХВОЛЬСОНЪ

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА ИМ. О. ВОЛЬФЪ

Постоянно открыта подписка
НА ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

основанные С. М. Макаровой

и издаваемые съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей,
педагоговъ и художниковъ.

Быть товарищемъ, собесѣдникомъ и руководителемъ молодыхъ читателей, давать имъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и самое разнообразное чтеніе, расширять кругъ ихъ знаній, содѣйствовать развитію у нихъ любознательности и пытливости, развлекать ихъ, поучать, дополнять возможные пробѣлы въ школьномъ образованіи—вотъ цѣль „Задушевнаго Слова“. Эту цѣль оно преслѣдовало строго въ теченіе многолѣтняго своего существованія, намѣрено преслѣдовать и впредь.

„Задушевное Слово“ издается въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ для младшаго возраста, другой—для старшаго.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“

Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для младшаго возраста
(отъ 5 до 9 лѣтъ)

52 №№ ВЪ ГОДЪ

съ преміями и приложеніями.

*
*
*
*
*
*

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“

Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для старшаго возраста
(отъ 9 до 14 лѣтъ)

52 №№ ВЪ ГОДЪ

съ преміями и приложеніями.

Подписная цѣна каждого журнала, съ **2 р.**, на полгода—3 р.,
доставкой и пересылкой: на 4 мѣс. **2 р.**, на годъ—6 рѣб.

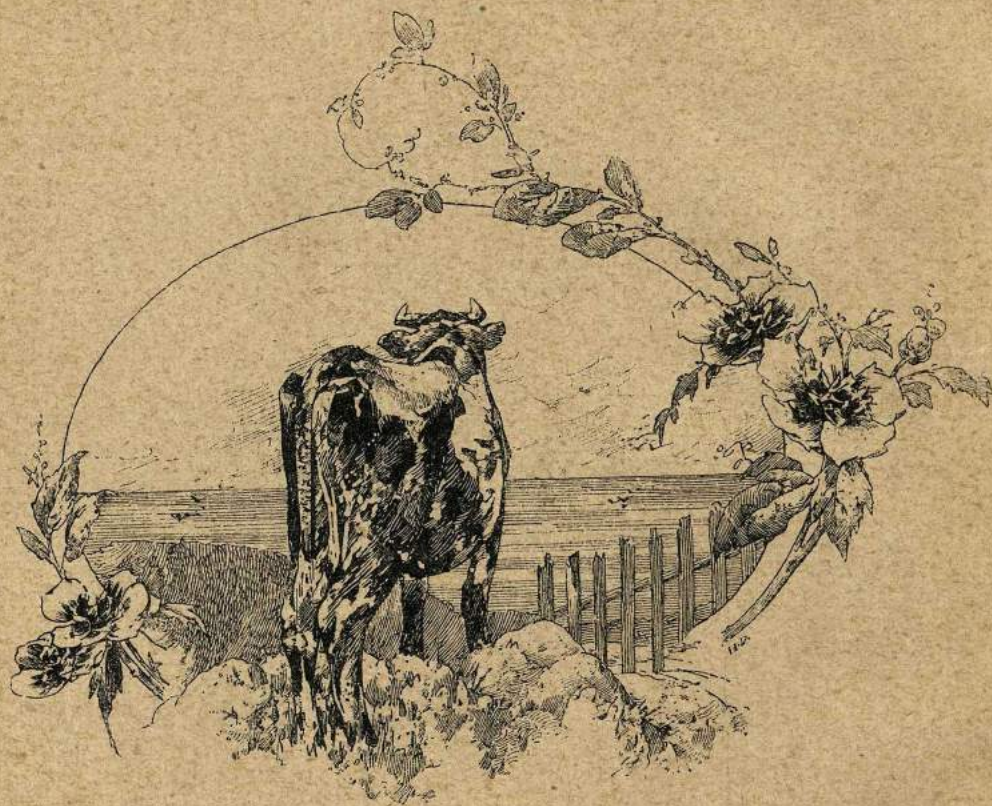
Съ перес. за границу: на годъ 8 р., на полгода—4 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ,
въ С.Пб. и въ Москвѣ, а также въ редакціи „Задушевнаго Слова“:
С.Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д.

A 274
40

А 274
40
86к1

ДРУЗЬЯ И ЛЮБИМЦЫ

ЛЕГКІЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

А. Б. ХВОЛЬСОНЪ

Съ 6 хромолитографированными картинами Э. Гардингъ и 30-ю
рисунками въ текстъ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18
(по Невскому проспекту).

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12,
„ Моховая, улица, 22.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 септября 1904 года.
Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ. В. О., 16 л., д. № 5—7.

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№	списка и порядковый
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	----	------------------------

20.

8. 0

820 / 131
1955 / 72

11/20/20
No 10

Б О Б И

дну только собачку имѣть Фаня. Зовутъ эту собачку Боби, или просто Бобка. Это—сѣренькій мопсикъ съ черноватой спинкой и черноватой, толстой мордочкой. Фаня его очень любитъ и возится съ нимъ цѣлые дни. Бобка тоже любитъ возиться и тербить все, что попадаетъ на глаза. Въ особенности любитъ онъ таскать вещи подъ буфетъ или шкафъ. За это ему часто достается отъ Фаниной няни, но Бобка этимъ не смущается и при первой возможности прячетъ опять что-нибудь изъ Фаниныхъ вещей.

Фаня получила на елку много игрушекъ, но больше всего ей нравятся кубики. Боби получилъ на елку новый ошейникъ и красную попону, но онъ

ихъ не любить и предпочитаетъ простой красный бантикъ.

Фаня часто играетъ своими кубиками, въ особенности по вечерамъ, когда въ столовой зажигаютъ лампу и ей можно, сидя на своемъ высокомъ стульчикѣ, играть на обѣденномъ столѣ. Бобка тоже усаживается рядомъ или ложится подъ столомъ и, виляя хвостомъ, ждетъ, когда Фанѣ принесутъ ужинъ; онъ знаетъ, что дѣвочка и ему удѣлитъ кое-что изъ ужина: кусочекъ булочки или на блюдечкѣ молока.

Полужинавъ, Фаня убираетъ игрушки и уходитъ спать. Бобка тоже отправляется на кухню въ свою корзинку.

Разъ Фаня раскапризничалась, разбросала кубики и, не убравъ ихъ, ушла спать; они такъ и остались раскиданными по полу. Когда Фаня ушла, Бобка самъ вздумалъ поиграть ими по-своему: онъ принялся ихъ грызть и рвать... Вскорѣ всѣ красивыя картинки, которыми были оклеены кубики, валялись клочьями по полу.

Утромъ Фаня по обыкновенію умылась, одѣлась, помолилась Богу и веселенькая побѣжала въ столовую. Каковъ же былъ ея испугъ, когда она увидѣла свои любимые кубики въ такомъ видѣ! Плача, побѣжала она въ дѣтскую. И—что-же?

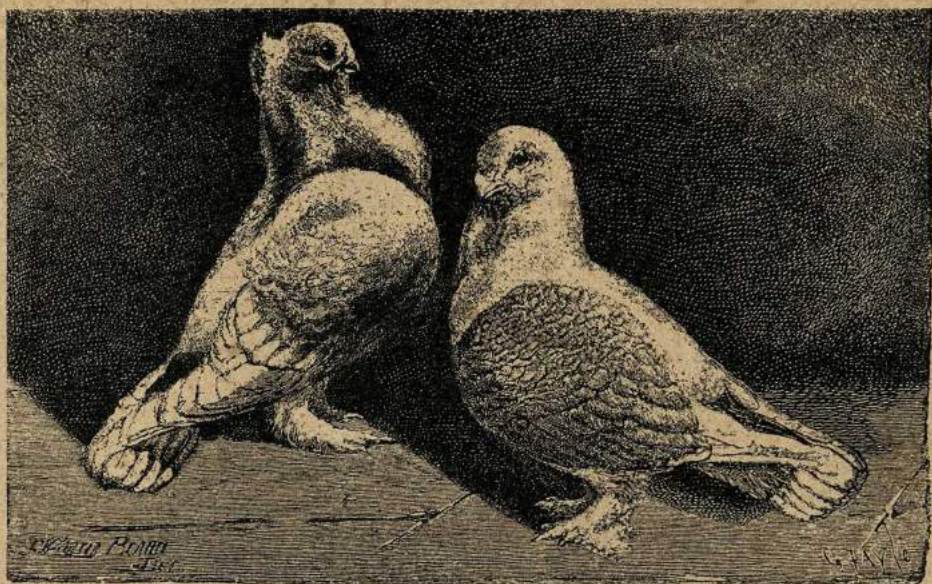
На коврѣ сидитъ Боби, чистенькій, хорошенькій, съ розовымъ бантикомъ на шейкѣ, и теребитъ книжку съ картинками, которую Фаня тоже не убрала съ вечера.

— Гадкая, гадкая собака! что ты надѣлала!—вскричала она, заложивъ ручки за спину.

— Развѣ моя вина, что ты неаккуратная дѣвочка?

Ты вѣдь знаешь, что я лучше не умѣю обращаться съ игрушками, — какъ-бы говорилъ Боби, чинно усѣвшись возлѣ огорченной дѣвочки.

ГОЛУБИ

Люба очень любитъ голубей. Живутъ они на чердакѣ, подѣ самой крышей: одни какъ снѣгъ бѣлые, другіе сізые, третьи коричневые, желтенькіе, пестрые, съ красными лапками и круглыми умными глазками.

Каждое утро голуби слетаютъ съ чердака, садятся на карнизъ окна и начинаютъ громко ворковать. За окномъ стоитъ маленькая кудрявая дѣвочка Люба. Лишь только она увидитъ своихъ любимцевъ, тотчасъ выбѣгаетъ на дворъ съ чашкой гороха и зеренъ.

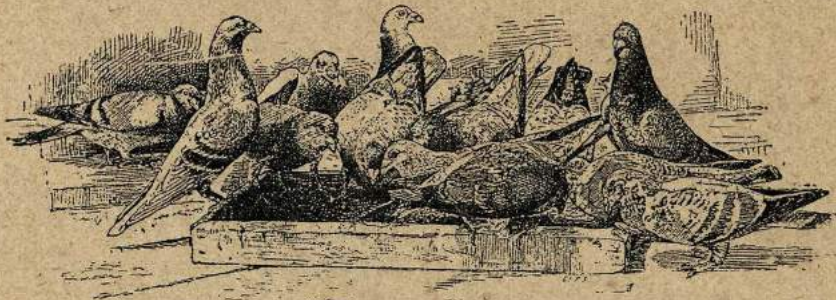
Голуби стаей окружают дѣвочку, садятся къ ней на плечи, голову, руки, а нѣкоторые изъ нихъ прямо на чашку. Люба весело смѣется, она любитъ своихъ голубковъ и знаетъ, что тамъ, на чердакѣ, у многихъ изъ нихъ, въ сложенныхъ изъ прутьевъ гнѣздахъ, лежатъ по два бѣленькихъ яичка. Знаетъ дѣвочка также, что изъ этихъ яичекъ черезъ нѣкоторое время вылупятся слѣпые, едва прикрытые пухомъ птенцы, которыхъ родители заботливо станутъ выкармливать.

— Кушайте, кушайте, голубки мои!—такъ говоритъ Люба, разсыпая направо и налево кормъ. Но голуби не добрые, они заводятъ изъ-за корма ссоры, начинаютъ драться и отнимать другъ у друга зерна; самый хорошенькій сизый голубокъ очень жадный, онъ даже прикрылъ грудью и крыльями кучку гороха, чтобы другимъ не досталось.

— У, жадный, не стыдно! Развѣ мало тебѣ? Поди прочь!—говоритъ Люба. Но сизый не думаетъ уходить; наѣвши, онъ пьетъ воду и купается въ деревянномъ жорытцѣ, куда слетаются и другіе его товарищи. Выкупавшись, голуби начинаютъ клювикомъ чистить свои перья. Окончивъ туалетъ, они всѣ, точно по командѣ, поднимаются вверхъ и исчезаютъ въ небесной синевѣ.

Люба закидываетъ кверху свою хорошенькую головку и внимательно слѣдитъ за своими пріятелями. А тѣ, точно для того, чтобы доставить удовольствіе дѣвочкѣ, играютъ и рѣзвятся въ воздухѣ: то, сверкнувъ на солнцѣ алмазомъ, они опускаются ниже дерева, то черными точками поднимаются выше колокольни, то стая вдругъ пропадаетъ въ безконечной вышинѣ и такъ-же быстро опускается на кры-

шу. Не дождавшись конца голубиной забавы, Люба
бѣжить домой. И ей захотѣлось поѣсть и порѣз-
виться.

УМНЫЙ БОЙ

Адя и Таня жили въ деревнѣ. Цѣлый день дѣти играли въ саду или въ полѣ, которое начиналось за домомъ, но чаще всего ходили они на опушку лѣса собирать сочную, красную землянику.

Постояннымъ другомъ и спутникомъ дѣтей была большая, бурая собака Бой; она сопровождала ихъ всюду и зорко стерегла отъ всякой опасности. Уходили-ли дѣти на рѣчку купаться, или пускать бумажные кораблики, Бой вертѣлся все время около нихъ, слѣдя за всякимъ ихъ движеніемъ.

— Не бойтесь упасть въ воду, — я васъ вытащу! — такъ, казалось, говорили его умные, выразительные глаза. Если дѣти, собирая ягоды или грибы, углуб-

лялись въ лѣсъ, Бой прыгалъ передъ ними, лаялъ, хваталъ то одного, то другого за платье и не отставалъ до тѣхъ поръ, пока дѣти не возвращались домой.

Бой не только смотрѣлъ за дѣтьми, онъ также игралъ съ ними и позволялъ съ собою дѣлать все, что имъ вздумается. Надя запрягала его въ телѣжку, куда Таня усаживала своихъ куколъ, и Бой, важно выступая, возилъ ихъ по дорожкамъ сада. Иногда Надя сама садилась верхомъ на собаку или заставляла ее служить съ палкой въ лапахъ.

Бой все это продѣлывалъ съ большой охотой, за что его часто угощали сахаромъ. У Боя были еще обязанности гораздо труднѣе, чѣмъ игры и прогулки съ дѣтьми. Онъ караулилъ по ночамъ домъ, а это не всякая собака толкомъ сумѣетъ. Бой ночевалъ на дворѣ въ собачьемъ домикѣ, но всю ночь бѣдняга глазъ не смыкалъ: онъ обнюхивалъ всѣ углы и закоулки, и лишь только ему казалось что-нибудь подозрительнымъ—онъ подымалъ громкій лай. Не разъ ужъ умный песъ прогонялъ воровъ, желавшихъ пробраться въ домъ.

Въ одну темную осеннюю ночь Бой обходилъ дворъ; вдругъ онъ остановился и насторожился: онъ почувствовалъ запахъ дыма. Вскорѣ изъ-подъ крыши сѣновала показалась тоненькая струйка огня.

Въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ и не гадали о грозившей бѣдѣ. Бой бросился къ крыльцу и принялся громко выть и лаять, пока не разбудилъ всѣхъ. Надинъ и Танинъ папа вмѣстѣ съ людьми выбѣжали на дворъ и увидѣли начинающійся пожаръ. Всѣ бросились тушить и общими усилями пожаръ былъ прекращенъ. Сгорѣлъ одинъ сѣноваль, за то домъ

и другія постройки уцѣлѣли. Надя и Таня спали и ничего ночью не слышали. Когда онѣ на утро вышли на дворъ, то папа, указывая имъ на сгорѣвшій сарай, сказалъ:

— Если-бы не нашъ умный Бой, который во-время разбудилъ меня, то нашъ домъ навѣрное сгорѣлъ-бы, какъ этотъ сѣноваль. Берегите и любите это умное животное, спасшее насъ отъ большой бѣды.

З В Ъ Р И Н Е Ц Ъ

иша, Шура, Володя и Вѣрочка пошли въ звѣринецъ, гдѣ показываютъ разныхъ звѣрей. Звѣринецъ помѣщался въ саду, и дѣти увидѣли, на огороженной невысокой изгородью лужайкѣ, собаку, одѣтую въ розовое платье, со шляпою на головѣ, обезьяну, тоже въ платьѣ и кофточкѣ, бурега медвѣдя и верблюда. Между звѣрями сидѣлъ и сторожъ ихъ, здоровый загорѣлый мужчина. Подальше въ клѣткѣ дѣти увидали двухъ медвѣдей, которые зарычали, замѣтивъ, что кто-то подходитъ къ нимъ.

Когда дѣти подошли къ изгороди, сторожъ объяснилъ имъ, что звѣри эти, за исключеніемъ только медвѣдей, всѣ ручные.

— Верблюды и собака называются домашними животными, потому что живутъ всегда у человѣка. Обезьяна и медвѣдь называются дикими животными, — они живутъ въ лѣсу и сами себѣ находятъ пищу. Мишка живетъ въ берлогѣ, собираетъ вкусныя ягоды, таскаетъ у пчелъ медъ и когда разсердится, то нападаетъ и на людей. Обезьяна же живетъ далеко, далеко отъ насъ, въ тепломъ краю, въ густомъ, прегустомъ лѣсу, гдѣ на вѣткахъ качаются попугаи, а въ чащѣ сидятъ тигры и львы. И наша обезьянка жила тамъ, — продолжалъ онъ, — ее маленькую поймали люди и стали учить. Она очень умна и вскорѣ все поняла; вотъ медвѣдя — того не такъ-то легко научить чему-нибудь...

— Покажи намъ, что твои звѣри умѣютъ дѣлать, — перебилъ Миша рассказчика.

Сторожъ взялъ трубу и началъ трубить. Лишь только раздались первые звуки, какъ верблюдъ легъ на землю, собака усѣлась между его двумя горбами, на Мишку вскочила обезьяна. Верблюдъ медленно поднялся и зашагалъ по лужку, за нимъ важно выступалъ медвѣдь съ обезьяной.

Затѣмъ Мишка взялъ въ переднія лапы барабанъ и, вставъ на заднія, началъ бить, а мартышка съ собакой принялись танцевать и кружиться; верблюдъ же что есть мочи закричалъ, но его крикъ былъ такой страшный и непріятный, что дѣти испугались.

Много еще диковинныхъ штукъ показывали звѣри, и дѣти съ удовольствіемъ смотрѣли на это. Когда

представленіе окончилось, дѣти дали сторожу денегъ, а звѣрямъ роздали лакомства.

Маленькимъ зрителямъ очень понравился звѣри-нецъ и они рѣшили просить маму почаще отпускать ихъ туда.

М И Л О Р Д Ъ

Маленький Вася былъ въ циркѣ и видѣлъ тамъ дрессированныхъ лошадей и собакъ: онѣ прыгали черезъ обручи, становились на заднія лапы, выходили на лѣстницу, даже садились на стулъ.

Придя домой, мальчикъ отыскалъ въ своихъ игрушкахъ трехногую лошадь и безголовую фарфоровую собаку и принялся съ ними давать представленія. Представленія шли очень успѣшно, животныя слушались Васю и дѣлали все, что онъ имъ приказывалъ. Но Вася былъ недоволенъ.

— Въдь это не то, что настоящія животныя. Вотъ если-бы у меня были живыя лошадь и собака, — то-то славно было-бы, — подумалъ онъ и пошелъ къ мамѣ просить, чтобы она ему купила живую лошадь и собаку.

— Лошадь тебѣ еще рано имѣть, — сказала мама. — А собаку, пожалуй, куплю.

Черезъ нѣсколько дней Вася получилъ въ подарокъ отъ мамы хорошенькаго, бѣленькаго пуделька съ красиво выстриженной шерстью. На шеѣ шерсть торчала точно грива, вся нога острижена, только у ступни оставлена длинными прядями — ни дать, ни взять, какъ сапожки. Хвостъ тоже пушистый, — ну, словомъ, заглядѣнье — не собака.

Вася отъ радости началъ тискать и цѣловать щенка, которому, однако, ласки мальчика совсѣмъ не нравились.

Онъ громко визжалъ и глядѣлъ по сторонамъ, какъ-бы скорѣе улизнуть.

— Накорми его лучше; собаки всегда помнятъ того, кто ихъ первый накормилъ, и привязываются къ нему на всю жизнь, — сказала мама.

— Сейчасъ, сейчасъ, мамочка.

И Вася побѣжалъ на кухню, откуда онъ черезъ минуту вернулся съ кускомъ мяса.

— Нѣтъ, дружокъ, собаку не слѣдуетъ кормить мясомъ; отъ него онъ получаютъ гнойные глаза и другія болѣзни. Щенковъ надо кормить молокомъ съ булочкой, а когда подрастутъ, то овсянкой.

Мама налила на блюдечко молока, и Вася поставилъ передъ пуделемъ.

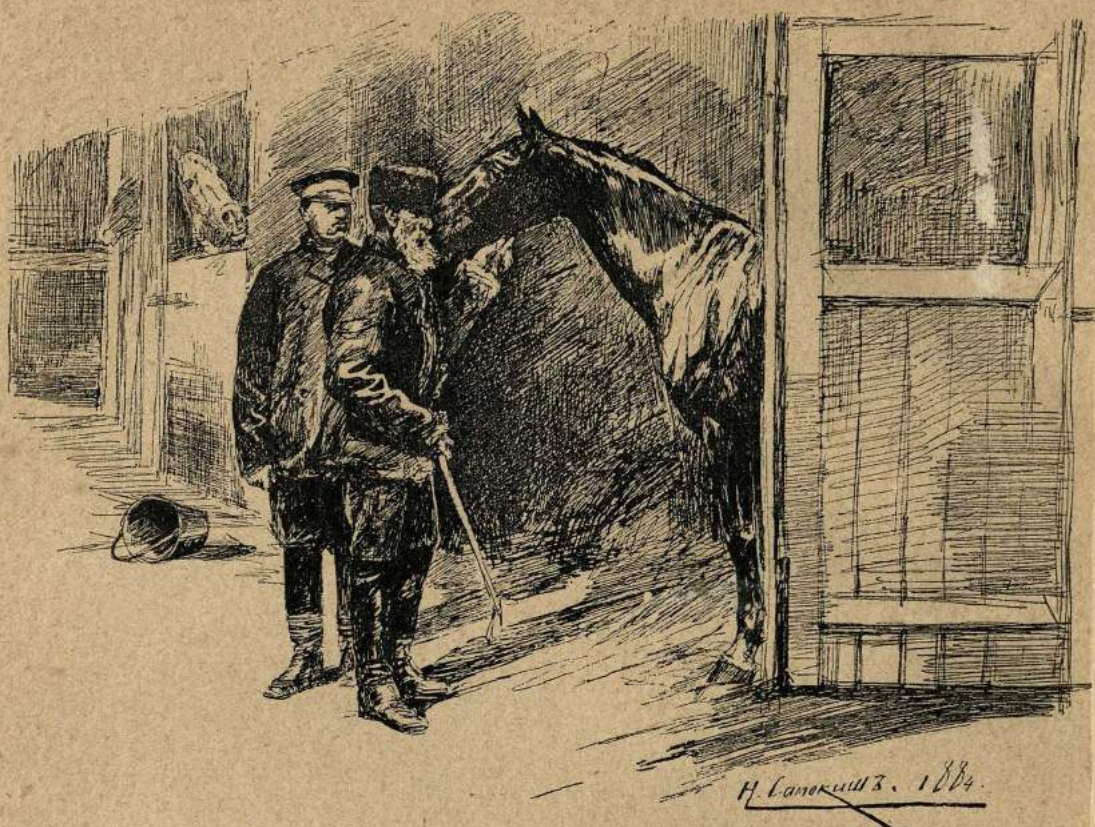
— Мама, я назову его Милордомъ, хорошо? Помнишь, мама, такъ звали того пуделя въ циркѣ.

Вскорѣ Вася принялся учить Милорда разнымъ фокусамъ: служить и сидѣть на заднихъ лапкахъ, носить палку во рту, бросаться за кинутой вещью и еще многому другому.

Милордъ, какъ всѣ пуделя, былъ очень понятливъ и скоро научился всему, что показывалъ Вася, къ великой радости мальчика.

Б Р А В Ы Й

ся очень любилъ лошадей. Еще со-
всѣмъ маленькимъ онъ катался на
папиныхъ колѣняхъ, воображая, что
ѣдетъ рысью на арабскомъ скакунѣ.
При этомъ папа напѣвалъ въ тактъ:

Ѣдетъ, ѣдетъ панъ, панъ,
На коникъ самъ, самъ!
А за паномъ попъ, попъ,
На коникъ скокъ, скокъ!

Мальчикъ хлопалъ въ ладоши и повторялъ эту
пѣсенку.

Когда Ося немного подросъ, то получилъ въ

подарокъ деревянную лошадку-качалку. Ужь и носился-же Ося на ней; бывало сядетъ, раскачается, — только мелькаютъ конь да всадникъ.

Когда Осѣ минуло семь лѣтъ, дядя подарилъ ему настоящую, темно-коричневую лошадку, съ чернымъ хвостомъ и гривой, съ сѣрыми копытами, подбитыми блестящими подковами. Вотъ-то Ося обрадовался! Онъ долго не хотѣлъ вѣрить, что лошадка эта его собственная и что онъ ея хозяинъ. Мальчикъ поминутно бѣгалъ къ ней въ конюшню, осматривалъ ее, гладилъ, ласкалъ и, если-бы ему позволили, онъ готовъ былъ жить совсѣмъ въ конюшнѣ, лишь-бы не разставаться со своей лошадкой.

Назвалъ ее Ося «Бравый».

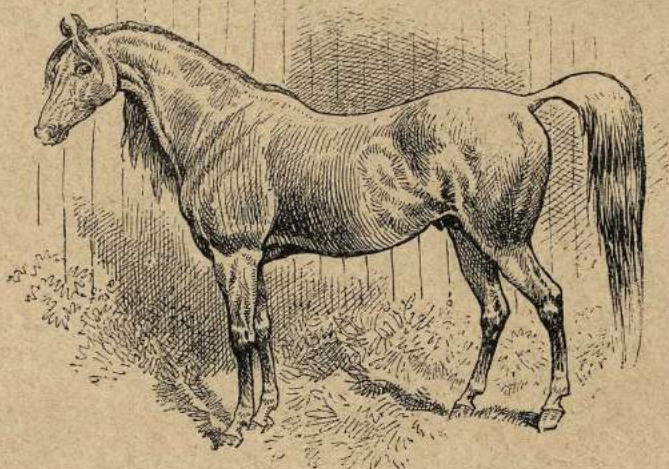
Бравый скоро привыкъ къ Осѣ, узнавалъ его по голосу, и когда мальчикъ входилъ къ нему въ стойло, то поворачивалъ голову и начиналъ тихо ржать.

Дядя также подарилъ Осѣ повода, сѣдло и хлыстъ, и мальчикъ, какъ настоящій наѣздникъ, могъ кататься на живой лошади. Но въ первый разъ, когда Ося очутился на Бравомъ, онъ не на шутку испугался. Старшая сестра его Таня замѣтила это и поддержала его. Бравый между тѣмъ медленно и осторожно выступалъ, и Ося пересталъ совсѣмъ трусить и безъ помощи Тани проѣхался по двору.

Вскорѣ Ося ужъ не боялся и выѣзжалъ одинъ на Бравомъ; правда, далеко онъ не ѣздилъ, все по парку, но паркъ былъ большой, и Ося оставался очень доволенъ своими прогулками. Мальчикъ также слѣдилъ, чтобы Бравому насыпали каждый день овесъ, дали-бы вдоволь сѣна и чистую, свѣжую воду. Кромѣ того, Бравый получалъ послѣ каждой

прогулки отъ своего маленькаго хозяина кусокъ сахара.

У Браваго былъ еще одинъ пріятель — Танина собака Валетка; она всегда сопровождала его на прогулкѣ, играла съ нимъ, когда онъ стоялъ въ стойлѣ, и стерегла его по ночамъ.

МИКЪ И МАКЪ

овершенно непохожи были другъ на друга два ослика: Микъ и Макъ. Микъ былъ добрый, рѣзвый осленокъ, Макъ же упрямый и злой. Онъ не любилъ своихъ хозяевъ и дѣлалъ имъ всевозможныя непріятности: то лягнетъ ребенка, то стащить овощи изъ огорода, то заупрямится и не идетъ на рынокъ.

Бился, бился съ нимъ хозяинъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и отдулъ его большой палкой.

«Хорошо-же, — думаетъ Макъ, — заплачу я тебѣ!»

Дѣло было передъ Пасхой. Навьючилъ хозяинъ на двухъ ословъ по большой корзинѣ съ яйцами и отправился въ городъ продавать ихъ. Пройдя верстъ пять-шесть, Макъ вдругъ сталъ валяться по землѣ и громко кричать своимъ непріятнымъ ослинымъ голосомъ.

Валяясь, онъ раздавилъ всѣ яйца до одного. Бѣдный мужикъ пришелъ въ ужасъ отъ большого убытка и жестоко наказалъ осла кнутомъ.

Упрямецъ, однако, несмотря на удары, долго не хотѣлъ трогаться съ мѣста.

— Господи, что это за житье у насъ! — жаловался по возвращеніи домой Макъ своему другу Мику, лежа на голомъ полу конюшни. — Уйду я куда глаза глядятъ!.. Много-ли мнѣ нужно? Немного осоки, колючекъ или другой жесткой травы, — я не разборчивъ въ пищѣ, было-бы только чистое питье. Уйду я и сдѣлаюсь ученымъ осломъ; никто меня бить и мучить не станетъ. Научусь я прыгать черезъ обручи, отворять ртомъ замки и двери, бить тактъ ногою; будутъ всѣ меня почитать за умъ и знаніе, помнишь, какъ того ученаго осла, который давалъ на ярмаркѣ представленія.

— Нѣтъ, Макъ, не дѣло говоришь ты! — сказалъ Микъ, — зачѣмъ тебѣ учить новую науку, когда ты можешь и здѣсь жить хорошо? Брось злиться и упрямиться, тогда съ тобой будутъ лучше обращаться. Подумай, что за наслажденіе послѣ тяжкаго труда придти домой, поваляться по землѣ и кричать всласть во все горло. Выйдетъ хозяйка, насыплетъ тебѣ овса, дѣти дадутъ хлѣбца... и всѣ-то

тебя любятъ. Въдъ вся твоя горькая жизнь происходитъ отъ того, что ты неуступчивъ и золь.

Сколько, однако, Микъ ни уговаривалъ друга, Макъ стоялъ на своемъ.

— Уйду да уйду!—повторялъ онъ.

Утромъ, чуть солнце начало золотить край неба, оба друга тихонько вышли изъ сарая: Микъ шель провожать Мака въ дальній путь. Завернули за околицу; на большой дорогѣ лежитъ камень.

— Перепрыгнемъ черезъ него,—говорить Макъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Микъ,—я прыгать не мастеръ, къ тому-же въ десяти шагахъ глубокий оврагъ,—какъ разъ попадешъ въ него!

— А я все-таки перепрыгну!—упрямо ворчитъ Макъ. Высоко поднявъ заднія ноги, онъ подался впередъ и всею тяжестью попалъ въ оврагъ.

На громкій крикъ Мика сбѣжался народъ, и общими силами вытащили изъ ямы еле-живого упряма, съ вывихнутой отъ паденія ногой и расцарапанной въ кровь мордою.

Пролежавъ недѣлю больнымъ, Макъ надумался, наконецъ.

— Нѣтъ, братъ, я теперь убѣдился, что упрямствомъ ничего не подѣлаешь,—сказалъ онъ самъ себѣ.—По выздоровленіи я стану такимъ-же кроткимъ и послушнымъ, какъ товарищъ Микъ, котораго всѣ любятъ и ласкаютъ за добрый нравъ. Пожалуй, это лучше будетъ.

Макъ исполнилъ свое обѣщаніе и не пожалѣлъ, что въ пору въ разумъ пришелъ: хозяинъ его полюбилъ, кормилъ больше прежняго и кнутомъ не наказывалъ; дѣти хозяина тоже очень полюбили добраго ослика, играли и ласкали его, а маленькая

Соня, любимица всей хозяйской семьи, часто угощала Мака вкуснымъ, мягкимъ хлѣбомъ, густо посыпаннымъ солью.

ЗАЙЦЫ

АШИМЪ ДѢТЯМЪ давно уже хотѣлось имѣть зайца; они объ этомъ говорили и мамѣ, и папѣ, но тѣ отмалчивались, и дѣти думали, что у нихъ никогда не будетъ любимаго звѣрька.

Однажды вечеромъ, когда всѣ сидѣли въ столовой за чаемъ, папа вынесъ изъ кабинета завязанную салфеткой корзинку, а въ ней, — о радость! — пять маленькихъ, миленькихъ зайчатъ. Они боязливо прижимались другъ къ другу, откидывали длинные ушки и преуморительно моргали своими круглыми, большими глазами.

Дѣти не могли оторваться отъ корзинки; они совали звѣрькамъ булку, капусту и салатъ, но тѣ ни до чего не дотрогивались.

Когда дѣти ушли спать, зайчатъ оставили въ столовой. Что-же оказалось на утро? Проказники ночью выскочили изъ корзинки и своими острыми зубами обгрызли ножки у стульевъ, попортили полы и даже изгрызли книжку, которая лежала на нижней полкѣ этажерки.

Мама за это разсердилась на нихъ и велѣла вынести въ дровяной сарай, гдѣ они могли грызть дрова, сколько угодно. Дѣти устроили имъ тамъ изъ сѣна и соломы постель и по нѣсколько разъ на день бѣгали навѣщать своихъ любимцевъ. Они носили зайчикамъ разные овощи: салатъ, капусту, морковь и картофель. Зайчата мало-по-малу перестали дичиться, брали кормъ изъ рукъ и выбѣгали даже на зовъ.

Прожили зайчата въ сараѣ лѣто и осень. Наступила зима, выпалъ первый снѣжокъ и покрылъ пушистымъ ковромъ сады, поля и лѣса.

— Теперь наши зайчики не уйдутъ, они привыкли, выпустимъ ихъ на дворъ,—такъ говорили дѣти и открыли дверь сарая.

Зайцы прыгали, прыгали по двору, да одинъ за другимъ и выскочили черезъ открытую калитку въ поле. Дѣти бросились съ плачемъ къ мамѣ.

— У, неблагоприятные!—плакала старшая, Ксенія.

— Нѣтъ, дѣвочка, ты не должна сердиться на зайцевъ: какъ имъ ни было хорошо у васъ, все-же имъ недоставало лѣса и поля. Заяцъ не любитъ сидѣть на одномъ мѣстѣ,—отвѣтила мама.

— Но вѣдь они замерзнутъ,—всхлипнулъ Боря.

— Никогда. Они выроютъ себѣ въ землѣ теплыя норки, куда и залѣзутъ въ непогоду; въ хорошій солнечный день заяцъ не любитъ дома сидѣть, онъ тогда отправляется въ лѣсъ точить о крѣпкую кору деревьевъ свои длинные зубы, а въ лунную ночь онъ посѣщаетъ огороды, гдѣ съ наслажденіемъ лакомится оставшимися на грядкахъ кочерыжками.

Дѣти молча разошлись, но долго, долго не могли забыть своихъ неблагодарныхъ зайчатъ.

РОЖДЕНИЕ КОТА МОРДАНА КОТОФЕЙЧА

Рышительно житья не было кошкамъ и птицамъ съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ поселился котъ Морданъ Котофейчъ. Немилосердно преслѣдовалъ онъ ихъ съ утра до вечера, и бѣда той, которая попадалась ему въ лапы. Терпѣли еще бѣдные Машки и Васьки по его милости отъ хозяекъ и кухарокъ: стащить воръ Котофейчъ мясо, выпьетъ молоко, опрокинетъ супъ—и, какъ ни въ чемъ не бывало, тихонечко убирается

на сѣноваль поспать, а побои достаются голодной Машкѣ или Васькѣ, у которыхъ съ утра крошки во рту не было.

Въ тотъ день, когда Котофеичъ ежегодно справлялъ свое рожденіе, на кухнѣ по какому-то случаю шла большая стряпня. Въ прежніе годы ему всегда удавалось хорошо поѣсть въ свой праздникъ; но на этотъ разъ противная кухарка зорко слѣдила за лакомо разложенной провизіей, и какъ ни вертѣлся, какъ ни ухитрялся нашъ котъ—ему не удалось стащить даже крошечной рыбки.

«Ну, не бѣда! — подумалъ Котофеичъ, — пойду въ садъ, наловлю птицъ и полакомлюсь ими всласть».

Разлегся онъ въ саду подъ деревомъ, глаза прищурилъ, хвостикомъ помахиваетъ: ну, кажется, такого добряка и днемъ съ огнемъ не сыскать!

— Курь-нурь-нурь—курь-нурь-нурь, я сегодня никого не трону, всѣхъ пичужекъ обласкаю,—мурлычетъ хитрецъ.

Птицы—тутъ-какъ-тутъ; онѣ уже давно поджидаютъ его, еще съ утра сговорились онѣ подразнить Котофеича.

Дружнымъ роемъ окружили онѣ Мордана, летая надъ самой его головой. Тихо-тихо лежалъ котъ, но, видя, что такъ, пожалуй, не управишься съ проворными летуньями, вскочилъ и началъ бѣгать за ними. Птицы, однако, были себѣ на умѣ,—онѣ зорко слѣдили за всѣми его движеніями и держались на значительномъ разстояніи.

Усталъ, наконецъ, Котофеичъ: шерсть у него включена, глаза угольями горятъ, когти выпущены, зубы щелкаютъ, усы въ четверть аршина — стра-

шилище да и только; птицы, между тѣмъ, кругомъ такъ и выются, — вотъ-вотъ, кажется, сама въ ротъ влетитъ... анъ нѣтъ, пролетѣла мимо.

— Ну вотъ! — замыкалъ разгнѣванный котъ, — стану я еще охотиться за вами, не много-ли чести для васъ будетъ? — у самого-же животики съ голода подводитъ; а изъ столовой такъ заманчиво пахнетъ и притомъ тамъ нѣтъ ни живой души.

Въ одинъ мигъ Котофеичъ очутился у кувшина со сливками, который стоялъ на столѣ въ столовой, и уже засунулъ лапу; но не успѣлъ онъ еще по-пробовать сливокъ, какъ въ комнату вбѣжала кухарка. Котофеичъ испугался, хотѣлъ было бѣжать, при этомъ задѣлъ хвостомъ за тарелку, которая упала на полъ и разбилась вдребезги.

Кухарка, между тѣмъ, догнала Котофеича и схватила за загривокъ.

— Такъ вотъ кто у меня вчера сливки вылакалъ и рыбу съѣлъ да тарелку разбилъ! — приговаривала она, колотя его что есть силъ, — а я еще бѣднаго Ваську драла... Ахъ ты плутъ, ахъ ты воръ! — и на спину злополучнаго Котофеича сыплются все новые удары.

Хромой, избитый до крови, голодный, убрался Котофеичъ на чердакъ оплакивать свою судьбу; но тутъ его ждетъ новый сюрпризъ въ лицѣ всѣхъ сосѣдскихъ кошекъ.

— Мяу- мяу — съ днемъ рожденія поздравляю, мяу-мяу — много лѣтъ здравствовать желаемъ! Мяу-мяу, что-же ты насъ, Морданъ Котофеичъ, не угощаешь? Мяу-мяу, аль ты дорогихъ гостей не желаешь?

Такъ-бы и бросился на нихъ Котофеичъ, въ клочки-бы изорвалъ, да силъ нѣтъ, а хитрыя кошки

знають это, усѣлись въ кружокъ и до смерти дразнятъ своего гонителя.

Пристыженный Морданъ зарылся въ сѣно, но и сюда доносятся насмѣшливые голоса.

Такъ провелъ день своего рожденія Морданъ Котофейчъ, гроза и страхъ всѣхъ кошекъ и птицъ.

ПОДАРОКЪ ИЗЪ ДѢДУШКИНА ПАРКА

Чень много у дѣдушки въ паркѣ лосей, оленей и ланей. Дѣдушка любитъ этихъ животныхъ. Внучатамъ своимъ, Надѣ и Нютѣ, дѣдушка подарилъ маленькую лань. Ее помѣстили въ паркѣ, отдѣльно, въ нарочно для нея выстроенномъ шалашикѣ. Первое время малютка все лежала на соломѣ и пила молоко, она была еще очень маленькая. Прошла недѣля - другая, лань стала подростать, покрылась блестящей темно-коричневой шерстью, а умные, выразительные глаза стали еще больше и красивѣе.

Дѣвочки очень полюбили лань и всячески ба-
довали ее. Ей позволили расхаживать по всѣмъ лу-
жайкамъ и щипать сколько угодно травы, лущить
съ деревьевъ кору, поѣдать грибы и ягоды, кото-
рые она находила въ паркѣ. Кромѣ того, она еще
получала каждый день кусочекъ соли, которую она
съ особеннымъ удовольствіемъ съѣдала.

— Надя, знаешь, что я выдумала? Надѣнемъ
лани на шейку голубенькую ленточку, ей это очень
пойдетъ,—сказала однажды Нюта и принялась об-
вязывать ленточкой шею животного. Чтобы лань
стояла смирно и не мѣшала завязывать, Надя дала
ей кусочекъ соли.

Красавица-лань тоже привязалась къ дѣвочкамъ,
она ходила повсюду за ними, играла съ ними и
бѣжала на встрѣчу, когда видѣла ихъ выходящими
изъ дверей дома.

Однажды утромъ дѣти нигдѣ не могли отыскать
своей лани. Они бросились къ шалашу и останови-
лись, какъ вкопанныя: на крышѣ стояла ихъ лю-
бимица и сверху глядѣла на своихъ друзей.

— Сбѣгаемъ за садовникомъ, чтобы онъ снялъ
ее. Боже мой, вѣдь она разобьется,—воскликнула
Надя, но не успѣла она окончить, какъ лань лег-
кимъ прыжкомъ соскочила съ крыши и встала пе-
редъ испуганными дѣвочками.

— Ахъ!—закричали онѣ,—она сломала себѣ
ножки, побѣжимъ къ мамѣ и спросимъ, что дѣлать.

И обѣ бросились домой.

Лань, какъ ни въ чемъ не бывало, побѣжала за
ними. Мама сидѣла на балконѣ; дѣти, перебивая другъ
друга, принялись рассказывать, какъ было дѣло.

— Не беспокойтесь, дѣти, наша лань ничего себѣ

не повредила, — отвѣтила мать, — она можетъ спрыгнуть еще съ большей высоты, и то ножки не сломаеть. Лань, дѣвочки мои, не домашнее животное, ее только можно приручить, но обыкновенно лани живутъ на свободѣ, въ гористыхъ, покрытыхъ лѣсомъ, мѣстностяхъ. Онѣ забираются на такую высоту, куда ни человѣку, ни другому звѣрю не взойти. Тамъ онѣ перепрыгиваютъ черезъ широкія, бездонныя пропасти, перебираясь съ одной скалы на другую.

— Ахъ, какъ страшно! — прошептала Нюта.

— Тебѣ-то страшно, а ланямъ, навѣрное, нѣтъ, — засмѣялась мама.

Съ этого дня дѣвочки уже не боялись, когда видѣли свою воспитанницу на крышѣ шалаша.

